

NGONB.RU

43342863017091

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

2

1985

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей РСФСР
и Новосибирской писательской организации

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

В Н О М Е Р, Е:

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

- Леонид РЕШЕТНИКОВ. Из книги стихов «Противостояние». 3
- Лариса КРАВЧЕНКО. Пейзаж с эвкалиптами. Роман 8
- Юрий ГОРДИЕНКО. Старый сюжет. Кострома. С морем строгим и его людьми... Репортаж с выставки художников-анималистов. Материк. Стихи . . . 48
- Анатолий СОРОКИН. Дети Большой Медведицы. Повесть. Окончание 51
- С открытым сердцем и душой чистой. Стихи Валентина ГОЛИНЕНКО, Татьяны ГРИГОРЬЕВОЙ, Арсслана ЖАМБАЛОНА, Жанны ЗЫРЯНОВОЙ, Александра КАЗАНЦЕВА, Бориса ЛАПУЗИНА, Анчи САМУНОВА, Михаила ШЛЯЕВА 116

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- А. ЗЯБРЕВ. Возвращение 121
- К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
- В. ПЕРЕЛАДОВ. Записки русского гарибальдийца. Продолжение 136

2

1985

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСКУССТВО

В. РОММ. Танцы, танцы, танцы... 152

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ю. МОСТКОВ. Необходимость поэзии 161

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Тамара Саблина. Встречи через годы. — И. Петров.
* Михаил Черненко. Последствия неустранимы. — Алек-
сей Горшенин. * В. Курбатов. Миг и вечность. —
В. Тихомиров. * Анна Нёркаги. Северные повести. —
Л. Полонский. * Н. Волокитин. Осень в Мысах. —
А. Пантелеева 170

Главный редактор
А. В. НИКУЛЬКОВ.

Редакционная коллегия:

В. О. АДАРОВ, В. П. АСТАФЬЕВ, Л. А. БАЛАНДИН, Э. В. БУРМАКИН, Н. Г. ДАМДИНОВ,
С. П. ДАНИЛОВ, В. И. ЗЕЛЕНСКИЙ, Л. И. ИВАНОВ, Г. Ф. КАРПУНИН (зам. главного
редактора), А. У. КИТАЙНИК, А. Л. КОПТЕЛОВ, К. Я. ЛАГУНОВ, В. М. МАЗАЕВ, В. Г.
ОДИНОКОВ, Г. Н. ПАДЕРИН, А. И. ПЛИТЧЕНКО, Л. В. РЕШЕТНИКОВ, А. А. РОМАНОВ
(ответственный секретарь), А. И. СМЕРДОВ, Л. А. ЧИКИН, А. М. ШАСТИН.

ются Красные нарты. Их уже видели в соседних становьях... Они «голодным дают мяса, для этого отнимают оленей, у кого их много». И в стойбище богача Мерче прибыли Красные нарты — его бывшие пастухи братья Сэротэтто и Худи Падро, а с ними русские товарищи, большевик Егоров со своим молодым другом. Полный бешеной волчьей ненависти «владыка тундры» Майме ударом ножа оборвал жизнь старшего Сэротэтто, двадцать лет батрачившего у богатых оленщиков.

Нельзя без волнения читать речь русского большевика Егорова над могилой своего ненецкого брата. «Спи спокойно, первый коммунист тундры. Ты не подавал заявления в партию, но всей своей жизнью и самой смертью ты доказал, что достоин звания большевика».

Майме, вину которого взял на себя его отец, удается на время уйти от возмездия Красных нартов. Он откочевал со своим чумом, чтобы, подобно пауку, укрыться до поры до времени в темном убежище среди скал. С собою увез он на «поганных нартах» мальчика-сироту Илира, который собиравшийся приехать тайну Капкана Злых Духов.

Горестная история жизни восьмилетнего сироты, его тяжкая судьба, воплотившая трагическую участь бедняков-оленьеводов Ямала, составляет сюжетную основу повести. Мстительный, жестокий Майме пытается лишить Илира человеческого облика, превратить в сторожевого пса, он истязает мальчика, сажает на цепь, нещадно избивает арканом... Но Майме все больше превращался в кровожадного зверя, а Илир оставался Человеком!

Мальчика поддерживает вера в справедливость и добро. В его сердце звучит народное преданье о Голубых Великанах, которые уничтожат жестокость и утвердят любовь. Илир совершает акт возмездия — за свои муки, за украденное детство, за всех обездоленных. Разъяренное стадо погнало его на своего мучителя. «Живая стена разгоряченных тел, копыт, рогов смяла его. Олени неслись лавиной, сметая все живое...»

«Илир» — произведение сложное, многостилевое. Суровая реалистическая правда, конкретные, хорошо знакомые Анне Неркаги реалии жизни и быта ненецкого чума, верований и обычаев его хозяев — все это сочетается с романтической символикой, корни которой — в фольклоре. Мать — прародительница Яминя, хранительница очага Мяд-пухуча, Харбцо — злой дух, лишаящий людей рассудка, Голубые Великаны, воплощающие идеал добра, — все эти образы почерпнуты из народного творчества. Да и само имя мальчика «Илир» означает «Жизнь». В конечном итоге идея повести — торжество Добра над Злом представляет собой глубинный смысл философии, заложенной в ненецком народно-поэтическом творчестве.

Повесть «Анико из рода Ного» переносит читателя в наше время. Неркаги занимают здесь нравственные вопросы — о долге человека перед родным краем, перед своим народом.

...Ушло в прошлое то время, когда ненецкий род Ного был многочисленным, жил в дружбе с соседями, щедро приносил

Анна Неркаги. Северные повести. М., «Современник», 1984.

В новую книгу Анны Неркаги включены два произведения: «Илир» и «Анико из рода Ного». Они составляют единый цикл, посвященный жизни ненецкого народа от первых лет революции до нашего времени.

В повести «Илир» запечатлено становление Советской власти на Севере, начало «великого кочевья» ненцев к новой, неведомой жизни. «По тундре, подобно поземке перед пургой, от стойбища к стойбищу, от чума к чуму, ползли слухи о какой-то новой жизни... Слухи были недобры, пугали...»

Тревогу и страх вселяют эти слухи в души хозяев стойбища в предгорьях Полярного Урала-Мерче и его сына Майме, владельцев несметного стада оленей. Но если старый Мерче, не приемля грядущих перемен, мудро понимает их неотвратимость, то сын, полный слепой злобы, пытается отстоять свою власть над тундрой, свое богатство. Три тысячи отборных оленей, половину стада перегоняет он в Капкан Злых Духов — потаенное место в уральских ущельях, чтобы не попало это богатство в руки «красных волков», «нищих пастухов».

Но новое властно вторгается в тундровые стойбища. Его нельзя удержать, как невозможно остановить весеннее половодье. Провозвестником радостных перемен явля-

жертвы Земле и Идолам... Болезни поглотили род. Осталась лишь семья Себеруя Ного. С суровым, за душу берущим драматизмом изображает писательница тяжкую беду, обрушившуюся на Себеруя, свирепый старый волк трехлапый Хромой Дьявол растерзал в тундре любимую жену Некочи и младшую дочь. А старшая, Анико — отрезанный лодь, учится в Тюмени. И остался старый ненец один-одинешенек, «сирота среди людей — как пень среди густого леса».

Неркаги удивительно точно залечатлева-ет особенности психологического склада ненца, твердость духа, достоинство, гордость. Внешне сдержанно и мужественно держит себя Себеруя при похоронном обряде, когда дорогих его сердцу людей провожали в «стойбище ушедших». Соседи — а в маленьком стойбище всего три чума — как могут поддерживают Себеруя в трудный час: «Хорошо жили, — говорит старый Ласса, — и оленя делили, и чай, а теперь горе, как еду, поделим».

Все надежды на будущее связывает Себеруя с Анико — последним побегом рода Ного. Лишь она может согреть его одинокую старость. С помощью Пастьы, чуть владевшего грамотой, он отправляет ей письмо: «Точь Аника. Сиву я отин. Мата твоя и маленькая систра уморла. Присжай...» Душевное смятение, борьбу слож-ных чувств испытывает героиня повести: и жалость к осиротевшему отцу, и чувство долга перед родом, и страх перед ставшей для нее непривычной жизнью сородичей, и желание обрести счастье для себя...

Трудно, очень трудно девушке, проведшей свою сознательную жизнь в условиях городской культуры, окунуться в ставшую ей чуждой обстановку заброшенного в глухом углу приуральской тундры крошечного ненецкого селения. Ей стыдно признаться, но отец, пахнувший дымом, табаком, невымытым телом, его салные волосы, морщинистое лицо, грязные руки — вызывают у нее неприязненное чувство. «Как они могут жить тут? — ужасается Анико. — Ни кино, ни театров, ни книг. Чем они живут? Задумывался ли кто из них, ради чего они появились на свет?» Вместе с тем, всей системой образов, всем ходом событий Неркаги раскрывает душевную открытость, щедрость сердец, доброту и искренность Пасса Ледкова, Алешки Лаптандера и других жителей маленького стойбища, тепло встретивших Анико.

Скупыми, но убедительными художественными средствами передает Неркаги трагизм чувств старого Себеруя, осознавшего, что дочь — во всяком случае, теперь — не останется дома: она к этому не готова. «Я вернусь, папа, а покапусти меня. Не могу оставаться... Я разберусь в себе...», — в смятении заверяет Анико. И отец вручит ей Идола — хранителя очага рода Ного. Потрясенная девушка с сердцем, полным любовью к отцу, к земле предков взяла Идола, «понимая, что приняла сейчас душу отца, матери, деда и всех, кто жил на земле до нее. Не Идола отец передал ей, а право, святой долг жить на родной земле и быть человеком».

В повести заключены глубокие раздумья автора о путях подъема культуры, улучшения быта народов Севера. Эти мысли Нер-

каги вложила в уста русского геолога Павла Леднева, когда-то спасенного ненцем и привязавшегося с той поры к этому народу, оставшегося жить среди них на несколько лет. «Не губить традиции и местные обычаи... Но быт надо улучшать. Я считаю это чуть ли не самым главным. Может, с культуры быта и надо начинать», — полагает русский друг ненцев. Замечу, впрочем, что и Егоров в «Илнре», и Леднев в «Анико» даны преимущественно «информативно», они схематичны, не раскрыты изнутри, намечены пунктиром.

Вообще, молодой писательнице недостает порой профессионального мастерства, умения отбирать и компоновать хорошо знакомый ей жизненный материал. В ее повести сказывается порой упрощенное лобовое решение конфликтов, скольжение по поверхности вместо пристального, углубленного исследования сложных ситуаций и проблем.

Огорчают в повестях Неркаги эпизоды и главы, отмеченные печатью натурализма. Утрачивая чувство меры, пользуясь преимущественно черными красками, изображает она темноту и невежество, царящие в ненецких селениях, прежде всего — повальное пьянство: «Вечером в поселке началось что-то непонятное и, по правде говоря, жутковатое — пошла пьянка, дикая, глупая, страшная».

Ненцы, те, кто еще держался на ногах, бродили от одной нарты к другой, остальные сидели, валялись на снегу, бормотали, кричали, хихикали, пели...»

Мы оставляем Анико на распутье... Вернется ли она к отчей земле — прямого ответа на этот вопрос в повести нет.

«...Много у человека в душе костров. Костер любви и доверия, черный костер лжи и злобы, костер доброты... И дай бог каждому человеку, чтобы в душе его не гасли добрые костры, чтобы не могли их потушить никакие холодные ветры», — эти слова звучат на одной из последних страниц «Анико...»

Пусть же костер добра и гуманизма все ярче разгорается в талантливых книгах Анны Неркаги!

Л. ПОЛОНСКИЙ

Цена 80 коп.

Индекс
73361